

Гавронова Ю.Д. Психологические характеристики культуры и профессиональная мотивация российских и немецких студентов

English version: [Gavronova Yu.D. Psychological dimensions of culture and professional motivation in Russian and German students](#)

Смоленский гуманитарный университет, Смоленск, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Исследуются особенности взаимосвязи между профессиональной мотивацией и психологическими измерениями культуры. Испытуемые: две выборки российских студентов (200 студентов вузов Смоленска, 200 студентов из других городов России) и выборка немецких студентов (201 человек); всего 601 респондент. Применялся регрессионный анализ данных, полученных по шкале культурных ценностей (Г.Хофстеде) и по методике К.Замфир в модификации А.Реана. Подтверждена гипотеза о наличии взаимосвязей параметров культуры и особенностей профессиональной мотивации. Показано, что у всех студентов независимо от этнокультурной принадлежности повышение уровня избегания неопределенности выступает предпосылкой снижения, а коллективистские тенденции – предпосылкой повышения внешней отрицательной мотивации. Коллективистские ценностные ориентации российских студентов стимулируют развитие и внешней положительной мотивации, в то время как у немецких студентов – только внешней отрицательной мотивации. Сходство между выборками немецких студентов и российских студентов Смоленска состоит в том, что понижение показателей маскулинности / фемининности связано с ростом внешней положительной мотивации. Особенность выборки смоленских студентов заключается также в том, что показатели дистанции власти положительно связаны с внешней положительной мотивацией: чем выше дистанция власти, тем более значима внешняя положительная мотивация.

Ключевые слова: профессиональная мотивация, Г.Хофстеде, культурные измерения, внутренняя мотивация, внешняя мотивация

В настоящее время расширяется русско-немецкое сотрудничество в сфере бизнеса и образования. В связи с интенсификацией миграционных процессов, вхождением России в Болонский процесс и расширением международного сотрудничества учебных заведений вопросы межкультурного сотрудничества и взаимопонимания жителей России и Германии приобретают особое значение.

Продуктивность профессиональной и учебной деятельности напрямую зависит от мотивации. Для оптимизации трудового и учебного процесса и достижения эффективного сотрудничества русских и немецких студентов необходимо четко представлять себе особенности мотивационной сферы представителей обеих культур. В чем же заключаются культурно-специфичные особенности профессиональной мотивации российских и немецких студентов? Какие психологические характеристики культуры больше всего влияют на профессиональную и учебную мотивацию? Ответы на эти вопросы представляют не только научный интерес, но принципиально важны с точки зрения формирования национальной политики в области образования.

Постановка проблемы

Изучению особенностей учебной и профессиональной мотивации в разных культурах посвящены научные исследования многих современных отечественных и зарубежных психологов.

Значительный вклад в изучение взаимосвязи культурных измерений с внутренней и внешней мотивацией принадлежит Н.Н.Сулим. В исследовании [Сулим, 2009] было выявлено, что дистанция власти связана с высокой внутренней мотивацией. Избегание неопределенности отрицательно связано с внешней мотивацией и положительно – с внутренней мотивацией. Маскулинность связана со снижением внешней мотивации и повышением внутренней мотивации.

Среди зарубежных психологов следует особо отметить Г.Хофстеде, который взял за основу теорию приобретенных потребностей МакКлелланда, определяющих мотивацию человека к деятельности, и проанализировал взаимосвязь культурных измерений с потребностями достижения в разных странах [Hofstede, 1980]. В ходе исследования Г.Хофстеде пришел к выводу, что мотив достижения предполагает два культурных выбора. Первый из них заключается в том, что склонность принимать рискованные решения выступает эквивалентом слабого избегания неопределенности. Суть второго – высокая потребность достижения равнозначна сильной маскулинности. При этом данная комбинация была выявлена исключительно в странах англо-американской группы и в некоторых их бывших колониях [Hofstede, 1980].

Кuo-Shu Yang исследовались различия иерархических мотивов, выделенных А.Маслоу, в коллективистских и индивидуалистических обществах [Yang, 2003]. Было выявлено, что три категории потребностей (потребность в принадлежности и любви, потребность в уважении и почитании, потребность в самоактуализации) различаются по определенным аспектам в коллективистских и индивидуалистических сообществах. Опишем эти различия более подробно.

Потребность в принадлежности и любви: в коллективистских сообществах личность отдает приоритет своим отношениям с другими членами, личная идентичность неопределенная, психологическая граница между двумя личностями очень проницаема и подвижна, в отношениях учитываются чувства, мотивы и обязанности каждого; в индивидуалистических сообществах личность в своих отношениях с другими членами делает акцент на себе, психологической независимости, психологическая граница между двумя индивидами четко определена, в отношениях отдают предпочтение личным чувствам, мотивам, целям и правам [Yang, 2003].

Потребность в уважении и почитании: в коллективистских сообществах личность гармонично включается в группу без ясного осознания прав и обязанностей; психологическая постоянность отношений, психологическая граница между личностью и группой очень проницаема и подвижна, личность действует исходя из интересов группы, имеется сильная идентификация с группой; в индивидуалистических сообществах личность в группе четко осознает свой статус относительно прав и обязанностей, присутствует психологическая временность отношений, психологическая граница между личностью и группой твердая или даже жесткая, личность действует, исходя из собственных интересов, слабо идентифицирует себя с группой [Yang, 2003].

Потребность в самоактуализации в коллективистских сообществах приобретает следующий характер: социально-ориентированное Я в самоактуализации, в том смысле, что оно большей частью концептуализируется с точки зрения социальных ролей, социальных статусов, социального положения, социальной ответственности и социальных обязательств и мыслей, чувств и намерений, связанных с ними; актуализация протекает по социально-ориентированным путям; актуализация для улучшения социальной жизни, смысл которой заключается в том, чтобы совершенствовать и улучшать различные качества для лучшего интеллектуального, морального и социального развития, при этом считают, что гармоничную социальную жизнь можно вести только во взаимоотношениях с группой (в особенности, с семьей). Потребность в самоактуализации в индивидуалистических сообществах представлена такими характеристиками, как личностно-ориентированное Я в самоактуализации, актуализация по индивидуально-ориентированным путям, актуализация для максимизации личной работы [Yang, 2003].

В исследовании [Fabian, Jost, 2009], посвященном изучению внутренней мотивации в коллективистских сообществах, показано, что в коллективистских сообществах выше уровень внутренней мотивации и количество вознаграждений пропорционально ниже, чем в индивидуалистических. Другой вывод исследователей заключался в том, что в гомогенных обществах с низкой разницей в идеалах работы между трудолюбивыми и ленивыми сотрудниками уровень

внутренней мотивации ниже и использование пропорциональной доли вознаграждений более распространено, чем в обществах с большими различиями в идеалах работы между индивидами.

G.Rebolledo-Mendez и соавторы исследовали корреляции культурных измерений Хофстеде с внешней и внутренней мотивацией студентов в возрасте от 18 до 23 лет университета Веракрус, Мексика [Rebolledo-Mendez et al., 2011]. В ходе данного исследования было выявлено, что у более индивидуалистически настроенных и маскулинных студентов выше уровень внутренней мотивации; чем выше уровень избегания неопределенности, тем более студенты внешне мотивированы.

Однако, несмотря на определенное число исследований особенностей учебно-профессиональной мотивации, остается неясным, насколько данные взаимосвязи универсальны и/или культурно-специфичны. Сравнительный анализ взаимосвязи культурных измерений с учебно-профессиональной мотивацией позволит конкретнее ответить на этот вопрос и выявить культурные особенности профессиональной мотивации российских и немецких студентов.

Цель и гипотеза исследования

Цель исследования: определить характер взаимосвязи культурных измерений по Г.Хофстеде с особенностями профессиональной мотивации российских и немецких студентов.

Гипотеза исследования: существуют общие и специфические особенности во взаимосвязи параметров культуры и профессиональной мотивации, обусловленные культурно-психологическими характеристиками жителей России и Германии.

Методы

Выборка

Анализировались данные социально-психологического опроса 601 респондента, составивших три группы.

Выборка 1: 200 российских студентов из других городов России (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Волгоград, Казань, Курск, Кострома, Самара, Саратов и другие города) в возрасте от 17 до 24 лет (75 мужчин, 125 женщин; средний возраст 19,4 года); далее – «смоленская выборка».

Выборка 2: 200 российских студентов из Смоленска в возрасте от 17 до 23 лет (75 мужчин, 125 женщин; средний возраст 18,9 года); далее – «российская выборка».

Выборка 3: немецкие студенты из городов Германии (Бремен, Бамберг, Лейпциг, Дрезден); всего 201 респондент в возрасте от 17 до 25 лет (75 мужчин, 126 женщин; средний возраст 19,8 года); далее – «немецкая выборка».

Преобладание в выборках респондентов женского пола объясняется тем, что значительную часть респондентов во всех трех выборках составили студенты-психологи и студенты педагогических специальностей. Российские студенты заполняли опросник на русском языке, немецкие – на немецком. Российских студенты из Смоленска заполняли анкеты на бумаге при очном предъявлении. Студентам других двух групп пересылались анкеты по электронной почте.

Методический инструментарий

1. Методика VSM-08 Г.Хофстеде и соавторов для изучения культурных измерений «дистанция власти», «индивидуализм – коллективизм», «избегание неопределенности», «маскулинность / фемининность», «долгосрочная / краткосрочная ориентация» [Hofstede et al., 2008]. В соответствии с формулами, предложенными авторами методики, по каждому культурному измерению вычислялось среднее значение.

2. Методика К.Замфир в модификации А.Реана для определения соотношения внешних положительных и отрицательных и внутренних мотивов профессиональной деятельности студентов [Бордовская, Реан, 2003]. Оценка производилась с помощью пятибалльной шкалы. Чем больше сумма баллов, тем предпочтительнее данный мотив.

Методы анализа данных

Обработка и анализ данных осуществлялись с помощью статистического пакета SPSS 19.0. Использовались критерий t-Стьюдента для сравнения средних и множественный регрессионный анализ (метод Stepwise) для выявления взаимосвязи между культурными измерениями и профессиональными мотивами.

Результаты и обсуждение

Анализ межгрупповых различий

В таблице 1 представлены результаты анализа различий в значениях культурных измерений по Г.Хофстеде отдельно по смоленской, российской и немецкой выборкам.

Таблица 1

Культурные измерения на выборках российских и немецких студентов (по методике Г.Хофстеде)

Показатели методики Хофстеде		Выборки		
		Российская	Смоленская	Немецкая
Дистанция власти	Вся выборка	16*	19*	-19**
	Мужчины	15*	14*	-10**
	Женщины	17*	22*	-25**
Индивидуализм / коллективизм	Вся выборка	53	22*	38*
	Мужчины	65*	7*	30**
	Женщины	45	31	42
Маскулинность / фемининность	Вся выборка	-4	2*	-16*
	Мужчины	-12	0	13
	Женщины	1*	4*	-33**
Избегание неопределенности	Вся выборка	-18*	-10*	-37**
	Мужчины	-29	-29	-36
	Женщины	-12*	1*	-38**
Долгосрочная / краткосрочная ориентация	Вся выборка	26*	17*	42**
	Мужчины	28*	16*	38**
	Женщины	24*	17*	44**

Примечания. «Российская выборка» – респонденты из российских городов, исключая Смоленск; * – различия между немецкой и соответствующей российской выборкой значимы на уровне $p < 0,05$; ** – различия между немецкой и обеими российскими выборками значимы на уровне $p < 0,05$; оценка по критерию t-Стьюдента.

Дисперсии по культурным измерениям «дистанция власти», «индивидуализм / коллективизм», «маскулинность / фемининность» статистически значимо не различаются (использовался критерий Ливена) только по общим показателям немецкой и смоленской выборок, следовательно, применение t-критерия корректно только при сравнении культурных измерений немецких и смоленских студентов. Также по всем культурным измерениям, кроме индивидуализма, критерий Ливена показал, что дисперсии в подвыборках российских и немецких мужчин и женщин статистически значимо не различаются. Это значит, мы можем сравнить российскую мужскую выборку с немецкой мужской выборкой и соответствующим образом поступить с женскими выборками. Смоленскую же выборку

мы можем сравнить с немецкой по всем показателям.

Рассмотрим культурное измерение «дистанция власти». Дистанция власти у российских студентов намного больше по сравнению с немецкими, что свидетельствует о большей склонности российских студентов принимать неравенство по сравнению с немецкими. Поэтому они воспринимают ярко выраженную социальную иерархию как неотъемлемую часть общества и авторитарный стиль общения – как нормальное явление. А немецкие студенты по сравнению с российскими предпочитают консультативный стиль общения и гораздо чаще принимают во внимание мнение других.

Перейдем к культурному измерению «индивидуализм / коллективизм». При анализе отличий по данному культурному измерению следует принять во внимание, что различия по трем выборкам обнаружены только между мужчинами и отсутствуют между женщинами. Если рассмотреть российскую выборку мужчин, то мы видим, что в ней уровень индивидуализма выше по сравнению с немецкой выборкой, то есть мужчины в данной выборке больше всего сконцентрированы на собственном эго и своих личных инициативах и достижениях.

Помимо нашего исследования высокий уровень индивидуализма россиян, достигающий до конфликтности, был выявлен социологами Независимого центра социологических исследований при содействии Фонда поддержки гражданских инициатив «Стратегия 2020», которые анализировали, как в инновационном секторе действуют россияне в Санкт-Петербурге, в Германии (в Берлине и Северном Рейне – Вестфалии) и в США (в Нью-Джерси и Мэриленде). В ходе данного исследования ученые нашли подтверждение своей гипотезы, что Россия – одна из самых индивидуалистичных стран и у нее высокий уровень ценности самореализации [Аузан и др., 2011].

Возможно, данные культурные изменения выступают результатом модернизационных процессов. Однако эти процессы не во всех регионах протекают одинаково. У смоленских студентов индексы по данному культурному измерению значимо ниже и по сравнению с российской, и по сравнению с немецкой выборкой, что означает, что смоленские мужчины проявляют наименьшую тенденцию к независимому поведению. Возможно, это объясняется тем, что смоленский регион относительно бедный по сравнению с другими областями России. Согласно же исследованиям Хофстеде, уровень индивидуализма позитивно коррелирует с уровнем благосостояния [Приводится по: Лебедева, Татарко, 2009].

При этом заслуживает внимания еще один интересный факт, что девушки, как смоленские, так и немецкие, обладают более высокими показателями индивидуализма по сравнению со своими мужчинами. Возможно, объяснение данному феномену можно найти в обобщающих выводах И.С.Кона о том, что женщины постепенно сравниваются с мужчинами по уровню образования, от которого в будущем зависят их профессиональная карьера и социальные возможности, и все чаще превосходят мужчин в этом отношении [Кон, 2009]. Заключение Т.И.Кондри о жизненных стратегиях женщин также заслуживает внимания при интерпретации более высоких показателей индивидуализма женщин. В своем исследовании автор выявляет, что жизненные стратегии современных молодых женщин направлены на повышение социального статуса. При выборе жизненных стратегий молодая женщина отдает приоритет профессиональной жизненной стратегии, которая способна дать ей возможность ощущения своей значимости в социуме и добиться общественного признания [Кондря, 2007].

По шкале «маскулинность / фемининность» значения также различаются на высоком уровне статистической значимости у смоленских и немецких студентов. У немецких студентов показатель маскулинности / фемининности выходит с отрицательным значением, если не применить константу. Данный феномен, вероятно, является результатом трансформации социальных ролей мужчин и женщин в Германии. Жестко определенных мужских ролей для мужчин в Германии больше не существует. Общество стало также принимать мужчин в женских ролях. Мужчины стали более свободными в выборе своих ролей. Так, отрицательные показатели по шкале маскулинность / фемининность у немецких студентов были получены в исследовании [Weinberger, Nistor, 2010]: индекс маскулинности / фемининности немецких студентов составляет 29,9, что подтверждает достоверность изменений социальных ролей. Однако из таблицы 1 видно, что между немецкими и российскими мужчинами по данному культурному измерению значимых различий не обнаружено, в

то время как немецкие женщины оказались более фемининными по сравнению с российскими. Можно предположить, что немецкие молодые женщины более ориентированы на отношения и качество жизни, чем российские. Это можно объяснить происходящими в последние годы в России переменами: женщины видят больший смысл в работе, чем в личной жизни.

По культурному измерению «избегание неопределенности» при сравнении российской, смоленской и немецкой выборок также были обнаружены различия на высоком уровне статистической значимости. Во всех трех выборках значения по избеганию неопределенности получаются отрицательными, если не применить константу. Кроме того, индексы по данному культурному измерению в выборках российских студентов значимо выше только у женщин по сравнению с немцами. В исследованиях Ренаты Корсакиене и Олеси Гуриной на выборке российских менеджеров также были получены отрицательные значения по данному культурному измерению [Korsakiene, Gurina, 2012]. Это говорит о том, что современное российское поколение готово к принятию разногласий в своей среде и характеризуется большой склонностью к риску. Но на основании более высоких показателей по избеганию неопределенности у российских женщин по сравнению с немцами можно предположить, что российских студентки менее толерантно относятся к неопределенности и людям и группам с отличающимися идеями.

По культурному измерению «долгосрочная / краткосрочная ориентация» также выявлены различия между российскими (вся выборка и смоленская выборка) и немецкими студентами на высоком уровне статистической значимости, при этом как для женщин, так и для мужчин. У немецких студентов значения статистически достоверно выше, что свидетельствует о том, что они более ориентированы на будущее, бережливы и расчетливы и отдают приоритет долгосрочной перспективе, тогда как российские студенты, особенно смоляне, больше живут настоящим и хотят достигнуть быстрых результатов.

Регрессионный анализ

Перейдем к результатам регрессионного анализа, который проводился отдельно по каждой из трех выборок. В ходе анализа данных были выявлены значимые взаимосвязи культурных измерений с профессиональной мотивацией, различные в подвыборках российской, смоленской и немецкой. Показатели по методике Г.Хофстеде рассматривались в качестве предикторов уровня мотивации.

Сравнительный анализ результатов регрессионного анализа в трех выборках выявил, что общим для этих групп является отсутствие связей культурных измерений с внутренней мотивацией.

Как российская, так и немецкая выборка характеризуются наличием положительных связей культурного измерения «индивидуализм / коллективизм» (предиктор) и внешней отрицательной мотивации (предсказываемая переменная). Чем более коллективистски настроены студенты, тем более их профессиональное поведение обусловлено внешней отрицательной мотивацией (россияне: $\beta = 0,332$, $p = 0,001$; немцы: $\beta = 0,183$, $p = 0,009$). Этот факт можно проинтерпретировать следующим образом: чем более человек эмоционально зависим от интересов окружающих и социальных связей, тем чаще он руководствуется внешней отрицательной мотивацией. Иными словами, чем существеннее влияние коллектива на жизнь индивида, тем больше стремление студентов к избеганию неудач и минимизации препятствий. Полученные нами данные о взаимосвязи индивидуализма / коллективизма с внешней отрицательной мотивацией согласуются с выводами А.А.Аузана, А.Н.Архангельского, П.С.Лунгина, В.А.Найшуля о том, что «высокая ценность коллективизма влечет за собой проблему размывания ответственности» [Аузан и др., 2011, с. 49]. Кроме того, наши заключения отчасти согласуются с данными исследования О.И.Даниленко, Ай Лин Кун, Цзыхань Ли в том, что у российских студентов наиболее предпочитаемой копинг-стратегией является *бегство-избегание* [Даниленко и др., 2010].

В российской выборке культурное измерение «индивидуализм / коллективизм» (предиктор) положительно взаимосвязано и с внешней положительной мотивацией: чем более представлен в сознании российских студентов коллективизм, тем выше вес внешней положительной мотивации ($\beta = 0,139$, $p = 0,049$). Поэтому у российских студентов ингруппа оказывает сильное влияние на стремление к успеху и карьере, то есть желание соответствовать социальным нормам ингруппы и

поддерживать внутри нее хорошие межличностные взаимоотношения является для российских студентов стимулом к профессиональным достижениям. Наши выводы также в некоторой степени сходятся с рассуждениями А.С.Ахувия о том, что отношения в коллективистских обществах часто строятся через социальное принуждение с помощью угроз и их члены стараются извлечь выгоды для поддержания своей общественной репутации, чтобы обеспечить соблюдение групповых норм [Ахувия, 2002]. Это принудительное давление и расценивается как внешняя мотивация.

Также в результате регрессионного анализа данных трех выборок были выявлены отрицательные связи культурного измерения «избегание неопределенности» (предиктор) и внешней отрицательной мотивации (россияне: $\beta = -0,271$, $p = 0,001$; смоленская выборка: $\beta = -0,206$, $p = 0,003$; немецкая выборка: $\beta = -0,152$, $p = 0,029$). Таким образом, повышение уровня избегания неопределенности связано со снижением внешней отрицательной мотивации, и наоборот. Иными словами, независимо от этнокультурной принадлежности, чем более толерантно студенты относятся к отклонениям от установленных правил в сфере учебной и профессиональной деятельности и критике, тем меньше страха они испытывают перед возможными наказаниями и неприятностями. Наши данные подтверждаются данными исследования Н.Н.Сулим, согласно которым обнаружена отрицательная взаимосвязь между уровнем избегания неопределенности и внешней мотивацией российских сотрудников закрытого акционерного общества [Сулим, 2009].

Другое сходство между немецкой и российской смоленской выборками заключается в том, что в двух группах студентов маскулинность / фемининность (предиктор) отрицательно связана с уровнем внешней положительной мотивации (немецкие студенты: $\beta = -0,323$, $p = 0,001$; смоленские студенты: $\beta = -0,181$, $p = 0,010$). Данные взаимосвязи позволяют предположить, что смоленские и немецкие студенты при построении своей профессиональной карьеры руководствуются принципами профессиональной безопасности и повышения качества жизни. Данные исследования Н.Н.Сулим также подтверждают наше заключение о том, что маскулинность связана со снижением внешней мотивации [Сулим, 2009].

Кроме того, при регрессионном анализе на выборке смоленских студентов обнаружена положительная взаимосвязь культурного измерения «дистанция власти» (предиктор) и внешней положительной мотивации ($\beta = 0,148$, $p = 0,034$): чем больше дистанция власти, тем лучше студенты готовятся к занятиям и стараются соответствовать профессиональным качествам и характеру профессиональной деятельности. Отвечая на вопрос, почему данные взаимосвязи не были выявлены на выборке российских студентов из других городов, можно исходить из того, что в смоленской выборке намного выше уровень коллективизма, то есть для смоленских студентов более важен социальный успех, одобрение и признание со стороны других людей.

Выводы

1. Выявлены значимые различия в ценностных приоритетах российских и немецких студентов: у российских студентов выше дистанция власти и уровень избегания неопределенности и более выраженная ориентация на краткосрочную перспективу по сравнению с немецкими студентами. Российские студенты отличаются от немецких в том, что считают власть более важной частью жизни, менее охотно принимают все новое и неизвестное, более склонны к компромиссу, проявляют меньше прагматизма, хотя и получают результаты быстрее и для них важнее уважение традиций и общественных обязательств.
2. Существуют общие и специфические особенности взаимосвязи психологических измерений культуры и профессиональной мотивации, обусловленные культурно-психологическими характеристиками жителей России и Германии.

Сходство между выборками из разных стран проявляется в том, что повышение уровня избегания неопределенности приводит к снижению внешней отрицательной мотивации. Помимо этого, коллективистские тенденции способствуют повышению внешней мотивации и в российской, и в немецкой выборках. Таким образом, снижение личной ответственности и страха перед неопределенной и двусмысленной ситуацией стимулирует желание человека меньше зависеть от внешнего контроля.

3. Выявлены различия между российскими и немецкими студентами во взаимосвязи коллективизма с внешней мотивацией: у россиян коллективизм положительно взаимосвязан с внешней мотивацией, как положительной, так и отрицательной, а у немецких студентов – только с внешней отрицательной мотивацией. Можно предположить, что российские студенты в своем стремлении к профессиональному продвижению и престижу руководствуются больше примером и мнением окружающих, чем личными приоритетами, в то время как для немецких студентов оценка окружающих включается в механизм субъективного контроля ответственности и дисциплинированности при выполнении учебно-профессиональных заданий.

4. Сходство между обследованными смоленской и немецкой выборками проявляется в том, что фемининность установок может служить предиктором внешней положительной мотивации (чем выше фемининность, тем выше внешняя положительная мотивация). Вероятно, студенты упомянутых двух групп считают, что при добрых отношениях с окружающими, взаимопомощи и разрешении конфликтов путем компромиссов и переговоров легче построить профессиональную карьеру.

5. Отличие выборки российских студентов города Смоленска от российской (респонденты из других городов РФ) и немецкой выборок заключается в наличии позитивных взаимосвязей дистанции власти с внешней положительной мотивацией. Можно предположить, что авторитарный стиль управления стимулирует развитие у смоленских студентов установки «я должен», поскольку есть побуждения извне, помогающие осознать значимость реализации учебных и профессиональных целей.

Литература

Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика. СПб.: Питер, 2003.

Даниленко О.И., Кун Ай Лин, Ли Цзыхань. Предпочтение копинг-стратегий русскими и китайскими студентами, обучающимися в России. В кн.: Психология совладающего поведения: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 23–25 сент. 2010 г. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. Т. 1, с. 134–135.

Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.

Кондря Т.И. Влияние гендерной социализации на формирование жизненных стратегий женщин современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Иркутск. гос. университет, Иркутск, 2007.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Культура как фактор общественного прогресса. М.: Юстицинформ, 2009.

Аузан А.А., Архангельский А.Н., Лунгин П.С., Найшуль В.А. Культурные факторы модернизации. М.: Стратегия, 2020, 2011.

Сулим Н.Н. Социально-психологические особенности формирования организационной культуры предприятия: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Курск, Курск. гос. университет, 2009.

Ahuvia A.C. Individualism / collectivism and cultures of happiness: a theoretical conjecture on the relationship between consumption, culture and subjective well-being at the national level. *Journal of Happiness Studies*, 2002, 3(1): 23–36.

Fabian F., Jost P.-J. Intrinsic motivation in collectivist societies. In: German Economic Association of Business Administration. Discussion Paper Series in Economics and Management. 2009, Discussion Paper No. 09–03. <http://whu.edu / static/geaba/Papers/2009/DP-09-03.pdf>

Hofstede G. Motivation, leadership and organization: Do American theories apply abroad? *Organizational Dynamics*, 1980, 9(1), 42–63.

Hofstede G., Hofstede G.J. Minkov M., Vinken H. Values survey module 2008 manual (VSM 08). 2008. <http://www.geerthofstede.nl/vsm-08>

Korsakiene R., Gurina O. The implications of national and organizational culture: a case of Lithuanian and Russian SMEs. In: Business and Management 2012. 7th International Scientific Conference, May 10–11, 2012, Vilnius, Lithuania. pp. 1144–1150. doi:10.3846/bm.2012.147

Rebolledo-Mendez G., Orey M., Alvarez-Rodríguez F.J., Martinez-Peñaloza G. Towards intelligent cultural adaptation of educational technology: An exploratory study. In: Proceedings of the I International symposium on open educational resources, 2011. <http://www.sussex.ac.uk/Users/gr20/FSOER.pdf>

Yang K.-S. Beyond Maslow's culture-bound. In: Linear theory: A preliminary statement of the double-y model of basic human needs, Nebraska Symposium on Motivation. Vol. 49, pp. 175–257.

Weinberger A., Nistor N. Culture, profession, and attitudes towards educational technology: a large-scale, german-romanian study. In: Proceedings of the 3rd International conference on intercultural collaboration, Copenhagen, Denmark, 2010. New York: ACM, 2010. pp. 199–202.

Поступила в редакцию 4 декабря 2012 г. Дата публикации: 28 февраля 2013 г.

[Сведения об авторе](#)

Гавронова Юлия Дмитриевна. Аспирант (2013), кафедра общей и социальной психологии, Смоленский гуманитарный университет, ул. Герцена, д. 2, 214014 Смоленск, Россия.
E-mail: kozadereza2@yandex.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Гавронова Ю.Д. Психологические характеристики культуры и профессиональная мотивация российских и немецких студентов. Психологические исследования, 2013, 6(27), 5. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Гавронова Ю.Д. Психологические характеристики культуры и профессиональная мотивация российских и немецких студентов // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 27. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/785-gavronova27.html>

[К началу страницы >>](#)